

Стрелок Харлин Морган провел рукой по крылу большого шестидесятитонного танка и улыбнулся, представив себя едущим во главе колонны таких же могучих боевых машин. Это был танк «Ле-ман Русс» модели «Завоеватель». Справедливости ради следует сказать, что толщина брони и некоторые другие технические характеристики этой машины, произведенной на Павонисе, были несколько хуже, чем у танков, изготовленных на производственных мощностях мира-кузницы Грифон IV. Это признавал, правда с большой неохотой, и Харлин Морган. Но все равно «Завоеватель» был грозной боевой машиной.

Командир танка майор Уэбб развалился, покуривая вонючую сигару, на башне механического гиганта, а заряжающий Маппин варил для экипажа кофе в походном котелке. Механик-водитель Парк лежал под брюхом танка, пытаясь отремонтировать протекающий топливопровод, так что из-под бронированных свесов торчали только его ноги.

Через камуфляжную сеть, натянутую над головами экипажа, проникал солнечный свет, и, несмотря на то что дело происходило высоко в горах, было еще тепло. Морган протянул продпак майору. Тот, поблагодарив его кивком, вскрыл фольгу упаковки, и лицо его исказила гримаса отвращения.

Морган сел, положив ногу на ногу, и, откинувшись на земляной бруствер траншеи, в которой был укрыт танк, бросил пару пайков на землю между Маппином и Парком.

— Долго же ты копался, — проворчал Маппин.

— В следующий раз попрешься за пайком сам, — ответил Харлин и с наслаждением принялся за еду. Пак состоял из хлеба, сыра и какого-то мясного изделия, выглядящего подозрительно несвежим. Настолько несвежим, что нельзя было определенно сказать, что это за мясо. Морган понюхал продукт и его физиономию тоже перекосило.

Тем не менее Маппин и Морган с энтузиазмом принялись за свои пайки. Последним пак взял Парк: он наконец вылез из-под танка и поднял с земли свой пакет, но с брезгливой миной осмотрел его и отшвырнул в сторону.

— Именем всего святого, я был бы чертовски рад двинуть отсюда и раздобыть где-нибудь настоящей еды, — проворчал он, откручивая крышку помятой плоской фляги, извлеченной из недр промасленного комбинезона.

— Ты когда-нибудь прекратишь ныть? — спросил Маппин, прожевывая добрую порцию хлеба и липкого коричневого «мяса», которыми он щедро набил себе рот. Парк глотнул из своей фляги и предложил ее Маппину, который укоризненно покачал головой, флягу не принял, зато подобрал с земли пак Парка.

— Нет. А ты когда-нибудь перестаешь жрать? — ответил вопросом на вопрос Парк. — Ускавар

— все, что мне нужно, чтобы протянуть очередной бестолковый день.

— Да, мы знаем, — рассмеялся Морган, — видели мы, как ты водишь.

Танкист Парк сделал двумя руками похабный жест, состроив при этом из пальцев правой неприличную комбинацию, и сказал:

— Вот вам, ребята. Еда в любом случае для легковесов.

Морган жестом пресек добродушную перебранку своих товарищей по экипажу — этот ритуал сопровождал каждый их обед — и обратил свой взгляд на комплекс остальных убежищ на Оусен Хиллз. Отсюда маскировка танков выглядела неубедительной, но стрелок полагал, что с воздуха или снизу, из пыльных равнин, танки должны быть незаметны постороннему глазу. Никто же их, в конце концов, до сих пор не обнаружил, так ведь?

Башенное орудие танка было обращено к сельскому имению их героического предводителя, но сейчас имение увидеть было невозможно — оно расположилось далеко внизу. Однако, если выйти из-под камуфляжной сетки, можно было рассмотреть группу облицованных мрамором зданий, свидетельствующих о таком богатстве их хозяина, которое Моргану трудно было даже представить. По угольям имения носились стада рогатых оленей, а под покровом ночи там, похоже, так и кипела развеселая жизнь. Одолжив у Парка инфракрасные очки, Морган наблюдал за тем, как по сельской местности рассредоточиваются войска.

Он благоразумно не сообщил об этом майору.

В восточной части комплекса размещались солдаты с плечевыми ракетометами и станковыми болте-рами. Они находились в постоянной готовности защищать танки от нападения, хотя майор считал эту меру излишней, — он был уверен, что такое нападение было в принципе мало вероятно.

Принципы принципами, а тот синий десантный шаттл, что на прошлой неделе пролетел над ними, наделал в лагере немалый переполох. Все забегали как нашкодившие дети, и это было тревожным звоночком всем тем людям, что здесь разместились: нельзя терять бдительности, надо постоянно быть настороже.

По плато под камуфляжными сетками расхаживали десятки солдат: стрелки, заряжающие, водители, механики — все те, кто нужен, чтобы держать эти мощные машины в постоянной боевой готовности. Когда же придет их время, Морган не знал, но майор заверил своих людей, что это время не за горами.

Единственное, что Морган знал точно, так это то, что всего здесь, на плато, и в горах было укрыто триста двадцать семь танков. «Василиски», «Грифоны», «Леманы Руссы», «Адские гончие» и разные другие модели. Он подсчитал их однажды, когда со своим экипажем был в дозоре. Количество и разнообразие модельного ряда впечатляло, но Морган достаточно

хорошо разбирался в военной технике, чтобы понимать, что на самом деле все эти танки были лишь подобиями боевых машин, изготавливаемых в имперских мирах-кузницах. И подобиями, честно говоря, не лучшего качества.

Хотя в данной ситуации это не имело значения.

Объединившись в ударную группу, они были прочнее, чем адамантум. Вера в справедливость их дела будет их броней, а вера в победу станет их оружием.

Морган улыбнулся, вспоминая слова полковника планетарных сил самообороны Понтелуса из Врат Брэндона, который привез его сюда. Полковник страстно рассуждал о предательстве картеля Шонаи, о том, как ее картель вероломно объединился с такими же алчными личностями из других картелей, чтобы выжать последние гроши и достоинство из рабочего человека. Ведь ее десятинный налог был не чем иным, как попыткой как можно туже набить карманы, пока ее не выкинули с должности.

Поначалу Морган скептически отнесся к словам полковника, видя значок картеля Талун на форменном кителе своего командира. Он знал, что Талун и Шонаи были политическими противниками, но слова Понтелуса задели молодого танкиста за живое. Вместе они сразятся за свое освобождение от деспотического режима Шонаи, вместе они — сила.

Морган понимал, что за свободу надо платить и что ее ценой станет кровь патриотов. Он был патриотом, готовым ради свободы к самопожертвованию, а стало быть, его командиры могли на него рассчитывать. Шонаи всеми силами тянула Павонис ко дну, и такая политика губернатора стала для планеты совершенно неприемлемой.

Власть без свободы — это тирания, и Морган ни дня не желал больше жить под игом губернатора.

Сыны Павониса больше не будут трудиться как рабы в изматывающей духоте предприятий продажных картелей! Прогрессивные мыслители, такие как Талун и де Валтос, понимали, что людям отваги и чести нужно отстаивать то, во что они верят, и сердце Моргана переполнялось чувством гордости.

Он знал, что он — один из лучших людей планеты.

Солнце продолжало медленно подниматься над Вратами Брэндона, обжигая улицы города своими безжалостными лучами. Жара была не по сезону злой, и город изнемогал от зноя. Над возвышающимися градириями предприятий не было привычных газообразных ореолов, вечно грохочущие машины сегодня стояли без дела в гаражах.

Весь город был охвачен единым порывом: по узким улочкам рабочих предместий тысячи людей медленно стекались к белоснежным стенам финансового и административного центра города.

Мужчины, женщины и дети собирались в большие колонны, готовясь к маршу. Почти все местные предприятия и конторы были закрыты — либо из соображений безопасности, либо в силу того, что их рабочие направлялись сейчас к площади Освобождения. Транспортные сети замерли, лишь поезда железной дороги, состав за составом, доставляли из отдаленных пригородов на демонстрацию все новых и новых рабочих.

Организаторы демонстрации опасались, что известие о прибытии Космических Десантников испугает людей и те побоятся выйти на улицы, но, как ни странно, все произошло с точностью до наоборот. В толпе царило праздничное настроение. Люди шли семьями, взявшись за руки, и идущие в гуще все нарастающей толпы музыканты наигрывали жизнерадостные патриотические песни, что еще больше воодушевляло людей. Легкий ветерок развевал красочные знамена и транспаранты с эмблемами разных отделений Объединения Рабочих и воззваниями к единству.

Организаторы демонстрации опасались, что известие о прибытии Космических Десантников испугает людей и те побоятся выйти на улицы, но, как ни странно, все произошло с точностью до наоборот. В толпе царило праздничное настроение. Люди шли семьями, взявшись за руки, и идущие в гуще все нарастающей толпы музыканты наигрывали жизнерадостные патриотические песни, что еще больше воодушевляло людей. Легкий ветерок развевал красочные знамена и транспаранты с эмблемами разных отделений Объединения Рабочих и воззваниями к единству.

Здесь и там группы неформальных лидеров и организаторов рабочего движения раздавали листовки с вдохновляющими лозунгами и управляли движением, казалось, неуправляемой толпы. Десятки тысяч рабочих заполнили улицы города, превратившись в одну огромную, непрестанно движущуюся массу людей, объединенных общими целями и стремлениями. Сотрудники служб безопасности со значками различных картелей выстроились вдоль зданий, принадлежащих их хозяевам, но никак не вмешивались в ход демонстрации. Никого из картеля Шонаи на улицах не было, что и неудивительно. Время от времени смеющиеся участники демонстрации подходили к работникам правопорядка, предлагая присоединиться к процессии. Иногда это срабатывало, иногда — нет, но, так или иначе, все пока шло мирно и не было никаких проявлений агрессии ни с той, ни с другой стороны.

По мере того как толпа продолжала нарастать, организаторы марша начали осознавать, что дело приобретает совсем нежелательный оборот. Демонстрация объединенной силы превращалась в чрезвычайно опасное предприятие. Присутствие такой массы людей на городских улицах, несмотря на их пока еще мирный настрой, властями могло быть расценено как откровенный мятеж. Малейшая провокация со стороны властей — и рассматривать происходящее можно будет именно так, и если такое произойдет, то следующим шагом станет применение властями для разгона людей смертоносной силы.

Эти люди уже доказали, что не будут стесняться в выборе средств. Не потому ли на стенах только что освященного Дома Мучеников высечены имена тех, кто познал это на своем горьком опыте? Готовые теперь уже ко всему, организаторы марша нервно оглядывались по

сторонам в поисках зловещих черных доспехов Адептус Арбитрес.

Но явных признаков присутствия арбитров не было — часть выстроилась на плацу возле своей базы, другие заняли позиции вокруг кованых железных ворот дворца губернатора и на улицах, примыкающих к площади Освобождения.

Движение толпы при приближении к внутренним мраморным стенам набирало скорость по мере того, как становились шире улицы, ведущие отовсюду к центру города. Ворота платного входа были распахнуты настежь, а сами привратники куда-то подевались, видимо не испытывая желания встречаться с организованно марширующей колонной.

Простые граждане Врат Брэндона следовали за рабочими, кто небольшими организованными группками, кто сам по себе, желая продемонстрировать свою солидарность с рабочими. Строители в касках, люди в грязных спецовках и робах смешивались с горожанами в треугольных шляпах и щегольских черных костюмах, которые обошлись бы большинству рабочих в сумму, равную их годовому заработку.

Процессия проходила через городские ворота, в этом узком месте слегка замедляя свое движение, после чего выплескиваясь на широкие, усаженные рядами аккуратно подстриженных деревьев бульвары. Лица демонстрантов светились гордостью и страстной решимостью сделать наконец так, чтобы их голос был услышан. Раздражения в толпе почти не чувствовалось, наиболее рьяных участников демонстрации успокаивали группы организаторов движения.

В общем и целом демонстрация Объединения Рабочих начиналась хорошо.

Наблюдая за тем, как бесчисленная масса людей шагает по мощеным улицам ее столицы, губернатор Шоной, крепко сдавив виски руками в попытке унять дрожь, ощущала, как ею начинают овладевать мрачные предчувствия. Она пыталась было на глаз прикинуть количество демонстрантов, но сразу же оставила эти попытки. У толпы, втекающей в городские ворота, словно гигантская река, не было ни конца ни края. Уже тысячи людей, проникнув в парк Беллахон по внутренней поверхности стен, топтали ухоженные клумбы и бултыхались в неглубоком озере, где дворцовые биологи выращивали бесценные породы рыб.

Все прогнозы о возможности подобной демонстрации говорили, что ее не может быть в принципе, — не было никакой организующей силы. Отделения Объединения Рабочих были слишком поглощены своими внутренними разногласиями и дразгмами, чтобы организовать хоть какую-нибудь локальную акцию протеста, не говоря уже о демонстрации столь значительных масштабов.

Что ж, то, что губернатор сейчас видела сквозь дворцовые окна, было похоже именно на демонстрацию. Глядя на тысячи людей, заполонивших ее город, Шоной поклялась никогда больше не прислушиваться к прогнозам своих аналитиков.

«Неужели это конец? — думала она. — Неужто народ Павониса просто решил, что с него

хватит? Вот так просто взял и решил: хватит!» Нет, если ей и суждено быть освобожденной от должности губернатора, то только через голосование или... Или смерть. А то, что сейчас происходит на улицах города, — всего лишь еще очередная трудность, пусть даже большая из всех, с чем ей приходилось сталкиваться до сих пор. Но она в силах справиться и с этим.

Встреча с Барзано вселила в нее некоторую надежду, что она сможет досидеть в губернаторском кресле до конца своего второго срока, сохранив при этом и чувство собственного достоинства, и, возможно, успеть наметить более мирный курс для своего преемника. Но теперь, казалось, даже в этой возможности ей будет отказано.

Она не видела представителя Администратума с тех пор, как тот впервые прибыл вместе с Ультрамаринами. А вчера сержант Леаркус весь дворец перевернул вверх дном, когда эксперт бесследно исчез. Выяснилось, что он, сопровождаемый контактным лицом из Адептус Арбитрес, совершил экскурсию в рабочие предместья, но Шонаи никак не могла взять в толк, зачем ему это понадобилось. В этих грязных предместьях не было ничего, кроме зачуханных баров для рабочих и задымленных лачуг. Она и представить себе не могла, что за дела могли быть у эксперта в этих забытых Императором местах.

«Интересно, вступал ли эксперт в контакт с капитаном Вентрисом?» — подумала губернатор, ведь она слышала, что с тех пор эльдарские налетчики совершили новое нападение, на сей раз на археологическую экспедицию. По-видимому, корабли системы обороны атаковали судно чужаков, и по крайней мере три капитана уверяли, что снаряды, выпущенные ими по вражескому судну, достигли цели. Умом она понимала, что все это мало вероятно, но официально доклады капитанов являлись конкретными доказательствами того, что ее администрация заняла относительно налетчиков недвусмысленно жесткую позицию.

Ее замысел заручиться поддержкой де Валтоса в проведении агрессивной политики против эльдаров и отколоть его от Талуна завершился полным провалом. Ее посланец к де Валтосу вернулся с вежливой благодарностью от главы картеля, но без всяких конкретных предложений помощи.

Впрочем, после недавних событий в зале сената она этому не удивлялась.

В довершение всего на утреннем совещании был озвучен рапорт арбитров, который заставил губернатора скрипеть зубами от бессильной ярости.

Прошлой ночью Адептус Арбитрес арестовали Бошампа Аброгаса, который полуголым бегал по пользующейся дурной репутацией окраине северо-восточного производственного района. Неся несусветную околесицу, он размахивал заряженным пистолетом и наугад палил из него по прохожим. Скорее всего он успел ранить нескольких человек, и арбитры, наконец задержав его, обнаружили, что он бредит, находясь в невменяемом состоянии под воздействием опиатикса — запрещенного сильнодействующего наркотика, быстро вызывающего привыкание.

Сейчас Бошамп томился в камере под базой Адептус Арбитрес, и он будет там оставаться до тех пор, пока семья не организует его освобождение. Шонаи полагала, что они дадут ему

попотеть в камере несколько дней, прежде чем приедут за ним.

Размышления губернатора прервал вежливый стук в дверь ее комнаты.

Пригласив посетителя войти, она увидела, как в дверях, заложив руки за спину, появился Алмерз Чанда. Удостоив своего советника долгим взглядом, Шонаи вновь повернулась к окну, стараясь в деталях разглядеть все, что происходит на площади. За ее окном люди ровными колоннами продолжали входить в город.

— Их там много, Алмерз, — прошептала Шонаи.

— Да, — согласился Чанда.

— Я хочу, чтобы сегодня не было никаких несчастий, это понятно? Малейшая провокация, и эти люди превратятся в злобную толпу, и тогда ни от нас, ни от самого города ничего не останется.

— Я получил самые твердые заверения в том, что арбитры строго придерживаются принципа невмешательства, мадам.

— Хорошо.

— Я уверен, что после событий последней недели они осознают, что сегодня требуется очень и очень деликатное отношение к... к толпе.

Губернатор Шонаи кивнула, наблюдая, как начинает заполняться площадь перед дворцовыми воротами.

«Ради Императора, лучше бы они действительно это понимали».

Однако за толпой демонстрантов наблюдали и другие глаза — с верхнего этажа мраморного здания, расположенного в саду, обнесенном низкими стенами, — и эти глаза следили за происходящим с совершенно иными чувствами. Действуя с профессиональной, солдатской сноровкой, девять мужчин сняли с себя простую серую униформу и облачились в черную кожу и панцирные доспехи. Тщательно собрав бряцающие солдатские жетоны и прочие предметы, выдававшие их принадлежность к силовым структурам, они аккуратно упаковали их в брезентовую сумку.

Командный пункт этих людей был оборудован в простом летнем домике, принадлежащем картелю Хо-нана. Мебель в нем была укрыта чехлами и отовсюду несло запустением, так что место это было идеальным.

Никто не повернулся, когда в комнату вошли еще двое мужчин; первый из них тихо разговаривал с кем-то по портативной радиостанции.

Командир группы, человек по имени Амел Ведден, протянул подчиненному переговорное устройство и принялся наблюдать за толпами людей, входящих в город. Лицо его оставалось невозмутимым. При его богатом боевом опыте численность толпы не значила ровным счетом ничего — у него достаточно сил и умения, чтобы в несколько минут разбить эту демонстрацию на сектора.

Разделить толпу мог любой идиот. Главное — нанести удар быстро и с максимальной жестокостью, чтобы те, кто выживет, впали в панику и остались неспособными на осмысленные ответные действия.

Но не в том был его коварный план. Он вовсе не собирался усмирять эту демонстрацию, напротив, он хотел, чтобы из мирного спящего гиганта она преобразилась в неуправляемого бушующего монстра, а сделать это было еще проще.

Ведден был профессионалом в своем деле и терпеть не мог оставлять что бы то ни было на волю провидения. Для этого он разместил внизу еще десять человек с огнеметами и штурмовым оружием, а крыша была очищена и подготовлена для того, чтобы, когда дело будет сделано, орнитоптеры забрали их отсюда.

Его радист подхватил мешок с жетонами, а Ведден повернулся к своим людям, одетым в грозные черные доспехи арбитров Адептус Арбитрес. Большинство из них были вооружены боевыми автоматическими дробовиками, но в руках двоих были более тяжелые и громоздкие гранатометы. Медленнодвигающаяся толпа была уже почти в ловушке площади Освобождения, и Ведден понял, что время действовать пришло. Он поднял свой дробовик, и десять «арбитров», повернувшись на каблуках, вышли из комнаты.

Расположившись в безопасности в одной из дворцовых башен с золотой крышей, Дженна Шарбен, Арио Барзано и сержант Леаркус также наблюдали за собирающейся толпой. Леаркус видел, что женщина-арбитр была подавлена: находиться в безопасности, когда ее место было там, внизу, было не по ней. Мысли и чувства ее были на площади Освобождения, вместе со своими товарищами, и Леаркус прекрасно понимал девушку.

Поначалу его возмутило, что его оставляют на Павонисе, но, когда капитан Вентрис рассказал сержанту, что он поклялся лорду Макрэйджа, что с головы Арио Барзано не упадет ни один волос, Леаркус понял, какую честь и доверие оказал ему капитан.

Правда, от этого ему было не легче стоять сейчас в безопасности рядом с экспертом и быть лишенным чести участвовать в сражении. Но, как любил говорить священный примарх, «То, что желает Император, найдет тебя наверняка».

Арио Барзано выбрал прекрасное место для наблюдения за народом Павониса, который пришел сегодня мирным путем выразить свое недовольство. Оживленные голоса людей и

музыка, несшаяся снизу, через бронированное стекло воспринимались как бессмысленные приглушенные металлические звуки. Леаркусу было не по нраву, что здешнее население ведет себя таким вот образом. Где же их дисциплина и гордость за свой труд во имя улучшения общества? Такая массовая демонстрация никогда не могла бы произойти на Ультрамаре, там в ней просто не возникло бы необходимости.

На Макрэйдже дисциплину вколачивали в раннем возрасте в школах, и горе тому мальчишке, который забывал уроки юности.

Женщина-арбитр беспокойно переходила с места на место, прижимаясь к стеклу, чтобы лучше разглядеть, как разворачиваются события на площади, как перемещаются ее товарищи, благоразумно проявляющие сдержанность и корректность по отношению к демонстрантам у ворот дворца и на подходах к нему. Агрессивная тактика только спровоцировала бы толпу на насилие, и Леаркус надеялся, что арбитрами в этот день командует здравомыслящий и хладнокровный человек.

Вирджил Ортега под своими доспехами покрылся липким потом, и хотя он и убеждал себя, что все это только из-за жары, но не верил сам себе. Размах демонстрации был поистине невероятным. Все рапорты убеждали Ортегу в том, что организация столь масштабной акции лежала далеко за пределами возможностей Объединения Рабочих, и тем не менее результат был сейчас перед его глазами.

Управляемая им шеренга арбитров была надежной. У каждого оружие было за плечами, а щиты взяты — на изготовку. Позади них стояли «Рино», большинство из которых были оснащены мощными водометами. Машины с работающими вхолостую двигателями были готовы сорваться с места в любой момент.

Настроение толпы не казалось Ортеге откровенно враждебным, но, впрочем, судить об этом всегда было непросто. Сейчас все могло быть спокойно, а через секунду малейшая провокация могла вызвать вспышку насилия. Он, Вирджил Ортега, сделает все, что в его власти, чтобы сегодня ничего подобного не случилось. Ортега надеялся, что те, кто организовал это шествие, испытывают те же чувства.

Ортега дал четкий приказ своим войскам не стрелять, если на то не поступит от него специальной команды. Он бросил взгляд на Колликса. Под защитным забралом шлема он не мог видеть его лица, но надеялся, что сегодня сержант не выкинет такого фортеля, как неделю назад. Он потратил немало усилий, чтобы втолковать сержанту свои указания. Тем не менее Ортега предпочитал держать Колликса в поле своего зрения.

Демонстрация остановилась шагах в пятнадцати от шеренги арбитров и благоразумно не приближалась.

Ортега увидел, что с полудюжины человек забрались на статую Императора в центре площади Освобождения, использовав ее высокий и широкий постамент как помост, с которого обращались к толпе. В руках у ораторов были мегафоны, через которые те обращались к своим

слушателям с пламенными речами, подчеркивая каждую фразу выразительными жестами.

С такого расстояния Ортеге удавалось разобрать немного слов, но того, что он слышал, было достаточно, чтобы понимать: к восстанию никто не призывает.

Каждое утверждение ораторов встречали одобрительные возгласы и аплодисменты, и Ортега вздохнул с облегчением.

Казалось, у народа Павониса нет на уме ничего, что бы могло вызвать тревогу.

Десятка Веддена вышла из летнего дома Хонана и зашагала по одной из улиц, ведущих к площади Освобождения. На улице было полно рабочих, люди Веддена грубо прокладывали себе дорогу щитами. Вслед им летели проклятия, но организаторы марша настаивали на том, что никакого насилия, даже намека на него быть не должно.

Шествие планировалось мирным, оно призвано было стать лишь демонстрацией единства перед теми, кто правил планетой. Поэтому «арбитры» беспрепятственно прошли через толпу, не встретив на своем пути никакого сопротивления.

Они появились на площади Освобождения менее чем в пятистах метрах от дворцовых ворот и шеренги настоящих Адептус Арбитрес. Прямо перед собой Ведден увидел статую Императора и шестерых человек, с ее постамента обращающихся к толпе через мегафоны.

Ведден не прислушивался к словам ораторов.

— Выстроиться в клин, — прошипел он, и его люди моментально образовали собой подобие наконечника стрелы — по трое со щитами, обращенными наружу, с каждой стороны Веддена, оставшиеся же трое оказались внутри и, скрытые от глаз толпы щитами товарищей, взяли дробовики на изготовку. — Вперед! — тихо, почти шепотом приказал Ведден, и арбитры тронулись с места, пробиваясь к статуе.

Вирджил Ортега скользил взглядом по толпе, высматривая возможные неприятности. Ораторы могли сколько угодно призывать народ к спокойствию, но по своему опыту Ортега знал, что в любой момент может произойти все что угодно. Он ни на минуту не прерывал связь со всеми своими отделениями, и пока он получал от них подтверждения, что все идет нормально.

Странное шевеление и крики в толпе привлекли его внимание, и спустя несколько секунд Ортега заметил группу арбитров, появившуюся из прилегающей улицы впереди чуть слева от себя. Ортега недоуменно нахмурился.

Чье это отделение и какого дьявола они делают вне расположения остальных?

Ортега прошелся по частотам своей рации, проверяя расположение каждого отделения. Все

были на своих местах. Так что, неужели шеф, не предупредив его, выставил еще одно звено?

Но он тут же отмел эту мысль. Шеф вовсе не был идиотом, чтобы послать на площадь отделение в форме и не сообщить об этом ему.

Несмотря на жару, по спине Вирджила Ортеги побежали мурашки, когда он увидел, что неизвестные арбитры выстроились клином и щитами прокладывают себе дорогу через толпу. Он проследил взглядом, куда ведет их маршрут...

— Проклятие, нет!

— Сэр? — обратился к нему Колликс. Вирджил Ортега бросил щит и помчался туда, где стояли урчащие «Рино». Вспрыгнув на свес ближайшего из них, он поднял забрало своего шлема и вскарабкался на крышу броневика.

Арбитр, сидевший внутри, открыл верхний люк и высунул голову.

— Сэр?

— Дай мне этот проклятый громкоговоритель! Быстрее!..

Арбитр опустил в чрево «Рино», через скунду вынырнув из него с громкоговорителем, который Ортега выхватил из протянутой руки. Нажав кнопку, он закричал:

— Внимание! Внимание! Говорит арбитр Вирджил Ортега! Люди на статуе, спуститесь немедленно! Громкоговоритель многократно усилил голос арбитра, и он был прекрасно слышен на всей площади, но обращение Ортеги не достигло своей цели. Его слова были встречены разрозненными криками и насмешками, а с постамента статуи прозвучало несколько ответов, расслышать которые Ортеге не удалось.

Будь они прокляты! Эти дурни не понимают, что он пытается спасти их жизни!

Ортега швырнул аппарат в люк «Рино» и спрыгнул с бронированной крыши транспорта. Бегом вернувшись к шеренге арбитров, он жестами подозвал к себе Колликса и еще нескольких парней:

— Арбитры, постройте клин. Мы должны быстро добраться до той статуи. Пошли!..

С натренированной четкостью арбитры образовали вокруг Ортеги клин, точно такой же, что уже врезался в толпу с другого ее края. Ортега понимал, что непременно должен добраться до статуи первым.

Но арбитры еще только тронулись с места, а ему уже стало ясно, что время потеряно, — они опоздают.

Крики, сопровождающие их продвижение сквозь толпу, становились все громче, но Ведден не обращал на них внимания. Их целью была статуя Императора, и любого, кто недостаточно резко убирался с дороги, отбрасывали жестокими ударами в сторону. Людям Веддена тоже досталось несколько пинков и ударов, но их прочные щиты являли собой грозное пробивное оружие, и вскоре большинство демонстрантов стали покорно уступать им дорогу.

Ведден услышал резкий голос, приказывающий ораторам спуститься со статуи, и увидел, как командир арбитров, стоя на крыше «Рино», кричит и неистово размахивает руками. Но кретины на постаменте проигнорировали его. Отлично, эти бараны еще больше упростили ему задачу.

Их продвижение по площади, словно камень, брошенный в пруд, вызвало гневную рябь, которая тем сильнее расходилась по толпе, чем больше людей в синяках и крови они оставляли за своей спиной. По толпе стали расходиться слухи об агрессивной тактике арбитров, и вместе с ними расплзался угрожающий рокот. Люди на статуе теперь увидели приближение Веддена и его людей и обратили свое внимание на них.

На арбитров обрушился поток оскорблений и обвинений в лицемерии, ораторы осуждали преступное насилие, применяемое «лакеями морально обанкротившейся администрации».

Настроение толпы стало меняться к худшему, но для Веддена это уже не имело значения, поскольку они были почти на месте.

Основание статуи окружало кольцо крупных мужчин. Ведден остановился, когда жилистый человек с длинной бородой обратился с постамента прямо к нему:

— Брат! Мы не хотим никому причинить вреда, мы собрались мирно. Позволь нам продолжать, и я гарантирую, что не будет никаких неприятностей.

Ведден не ответил ему.

Вместо этого он снял с предохранителя свой дробовик, передернул затвор и на глазах у тысяч демонстрантов застрелил оратора.

Ортега видел, как предводитель неизвестных арбитров достал дробовик и потянул за спусковой крючок, — все происходило, как в замедленной съемке.

До его ушей докатилось вялое эхо выстрела, а он все смотрел, как человек на постаменте медленно падает назад, на гипсовую статую Императора Человечества. Кровь из груди умирающего брызнула на бедро статуи, он перевалился через ее ногу и рухнул на землю. Его

череп, шмякнувшись о камни площади Освобождения, раскололся, словно арбуз, с тошнотворным хрустом, и, только когда мозг несчастного выплеснулся на булыжник, время для Ортеги вновь обрело нормальную скорость.

Пока Ортега стоял, пораженный этим зрелищем, люди в доспехах арбитров припали к земле, прижав щиты к бедрам, и стоявшие в центре клина прицелились в остолбеневших людей на постаменте. Залп из автоматических дробовиков снес с подножия статуи Императора остальных ораторов, и Вирджил понял, что и он, и его люди будут счастливыми, если теперь им удастся выжить.

Услышав эхо выстрела дробовика и увидев, как с постамента статуи упал человек, Микола Шокаи в ужасе зажмурилась. Это было то, чего губернатор боялась больше всего. Все пути назад были отрезаны.

Пересечена последняя черта, и ничто уже теперь не будет таким, как раньше.

Когда человек рухнул с постамента, Дженна Шар-бен вскочила на ноги и на ее губах застыл крик протеста. Ошеломленная происшедшим, она повернулась к Барзано, и тот увидел, как в глазах девушки застыла немая мольба. Но что он мог сейчас сделать? Арио Барзано нервно жевал нижнюю губу, его кулаки сжались.

Девушка, гордо вскинув голову, прошествовала мимо него, но эксперт успел схватить ее за руку и неожиданно сильно сдавил ей запястье. Прежде мягкие черты лица Барзано вдруг обрели стальную твердость. Эксперт покачал головой.

Обернувшись к окну, он окинул взором толпу на площади Освобождения, мгновенно оценив ситуацию. После этого Барзано повернулся к сержанту Леаркусу:

— Сержант, вы нужны мне там, внизу. Шутливый тон Барзано исчез, теперь его голос звучал в полную силу. Космический Десантник понял, что эксперт был человеком, привыкшим не просто отдавать приказы, но и добиваться их исполнения. Леаркус видел все, что видел Барзано, и понимал положение так же хорошо, как и он.

— Что вы хотите, чтобы я сделал? — спросил огромный Космический Десантник.

— Все, что сможешь.

Ведден наугад стрелял по толпе, наслаждаясь воплями боли и ужаса. Те, кто оказался рядом с ним, неистово проталкивались, стремясь как можно быстрее убраться подальше из центра начинающейся бойни, но давление плотной толпы не позволяло им сделать это достаточно быстро.

Им не повезло, но тут уж ничего не попишешь, думал Ведден, в очередной раз нажимая на

спусковой крючок.

Проклятие, но до чего же приятно убивать, даже если это всего лишь тупые штатские. Ему бы хотелось добраться до самих арбитров, но у него был четкий приказ: только штатских. Убей как можно больше, захвати одного из предводителей и возвращайся.

В захвате предводителя был особый смысл. Объединение Рабочих станет требовать освобождения предводителя с базы Адептус Арбитрес, а арбитры будут искренне заявлять, что никого на базе не удерживают. Им, разумеется, не поверят, и это будет воспринято как очередной знак того, что планетарная администрация завралась вконец. План этот был безукоризнен.

Ведден рванулся вперед, перешагнув через бьющихся в конвульсиях телохранителей, схватил рыдающую девушку — на вид ей было не больше двадцати лет — и грубо перекинул ее через плечо. Девчушка закричала от боли, и он ударил кулаком ей в лицо, заставив ее замолчать.

Тут его люди образовали круг, в середине которого он и оказался.

— Мы сделали то, за чем пришли, а теперь давайте поскорее убираться отсюда.

На доспехах арбитра был уже десяток вмятин, с виска его стекала тоненькая струйка крови, но Ортега продолжал неистово отталкивать с дороги все новых и новых вопящих людей. Ортега физически ощущал запах крови, ее вкус... Это был полный провал. Ему не удалось остановить бессмысленные убийства, не удалось сохранить покой Императора, и теперь здесь, на его глазах, разверзся настоящий ад.

Услышав глухой рокот выстрелов, донесшийся с окраин площади, он ощутил прилив отчаяния. Ортега продолжал надеяться, что это стреляли не его подчиненные, но, если где-то еще в городе начались беспорядки, он не имел права сбрасывать со счетов и такую возможность.

Тела давили на Ортегу со всех сторон, и он зло отпихивал их плечами. Долго это не могло продолжаться, рано или поздно арбитров затопчут или закидают камнями. Отшвырнув в сторону еще одно навалившееся на него тело, Ортега услышал несколько глухих раскатов, и внезапно со всех сторон взметнулись гейзеры густого белого дыма.

Тела давили на Ортегу со всех сторон, и он зло отпихивал их плечами. Долго это не могло продолжаться, рано или поздно арбитров затопчут или закидают камнями. Отшвырнув в сторону еще одно навалившееся на него тело, Ортега услышал несколько глухих раскатов, и внезапно со всех сторон взметнулись гейзеры густого белого дыма.

Гранаты с удушающим газом, выпущенные шеренгой арбитров у дворцовых ворот, приземлились среди толпы, извергая густые клубы едкого дыма, затмевающие все вокруг на несколько десятков метров. Гранаты падали перед группой Ортеги и по сторонам от нее, и он мысленно поблагодарил того, кто догадался отдать такой приказ. Опустив забрало шлема,

Ортега привел в действие респиратор.

Сквозь брешь в клубах дыма он заметил удаляющийся отряд убийц.

Кучки ошеломленных демонстрантов бесцельно блуждали, задыхаясь в едком тумане. Их глаза слезились, многих тошнило. Люди бессильно падали на булыжник, корчась в судорогах и сворачиваясь, подобно эмбрионам.

Шум стоял невероятный, казалось, это рычало пробудившееся от векового сна огромное животное. Ортега понимал, что сейчас они — в брюхе этого монстра. Он несся, сметая все на своем пути, пытаясь догнать организаторов этой бойни; он обегал спотыкающихся рабочих и перепрыгивая через мертвые тела, которые оставляли за собой безжалостные убийцы. Колликс и еще шестеро арбитров, которых он впопыхах выдернул из шеренги, бежали за Ортегой. Сержант плечом отпихнул человека с бешено вращающимися глазами, воинственно размахивающего огромным гаечным ключом.

Тем временем преследователи оказались на прилегающей к площади улице, и Ортега в очередной раз отчетливо увидел спины убийц, направляющихся к ничем не примечательному белому зданию.

Изрытая проклятия, он навел на них свой дробовик. Расстояние было великовато, к тому же опущенное забрало мешало Ортеге хорошенько прицелиться. Прошло несколько долгих секунд, прежде чем Вирджил нажал на спусковой крючок, и тут же один из убийц упал, схватившись за плечо. Колликс также выстрелил и попал, но оба их выстрела оказались для убежавших не смертельными. Раненых моментально подхватили на руки их товарищи и поволокли дальше.

— Пошли! — закричал Ортега. — Пока они не добрались до убежища.

Вдруг преследуемые остановились и выстроились в шеренгу. Ортега удивился, но тем не менее, опустившись на колени, успел выставить вперед щит, и вовремя, — противники открыли по арбитрам стрельбу залпами. Щит содрогнулся от страшного удара, и в нескольких сантиметрах от головы Ортеги в металлическом щите засияла дыра размером с кулак. Но, это было еще полбеды. Ортега услышал, как воздух за его спиной разорвали страшные крики, — снаряды попали в демонстрантов, которые преследовали арбитров по улице.

Высунувшись из-за щита, Ортега был сбит с ног новым неожиданным залпом, попавшим в его нагрудную пластину. Упав на землю, он замычал — больше от неожиданности, нежели от боли. Короткими перебежками к нему подобрался Колликс:

— Сэр? Вы ранены?

Застонав, Ортега встал и поморщился, ощутив резкую боль в груди. Нагрудная пластина приняла на себя основную часть удара, но она была прорвана, и теперь по ней стекала кровь.

Ортега был тронут и удивлен одновременно заботой Колликса, он покачал головой:

— Может быть, сломано ребро. Ничего серьезного.

Колликс поднял своего начальника на ноги, и они отправились дальше по улице. Оба выругались, увидев, как злоумышленники ускользают, скрывшись за большими деревянными воротами в высокой стене, окружающей богатый особняк.

Пробежав еще несколько шагов, Вирджил Ортега был вынужден остановиться, так как колющая боль в груди усилилась. В глазах у него потемнело, и он прислонился к стене. К нему повернулся Колликс:

— Пойдемте, сэр...

— Иди, я догоню, — преодолевая спазм в горле, ответил Ортега. Возможно, его рана более серьезна, чем он представлял. Вирджил Ортега дышал тяжело, в груди его скрежетало.

Пошатываясь, он побрел за своими людьми, бросив тревожный взгляд через плечо. Их больше никто не преследовал по улице, что его удивило. Уж лучше б преследовали, чем... Впрочем, сейчас он был благодарен судьбе и за эту небольшую милость. Сделав очередной шаг, он закрыл глаза — улица перед ним закачалась и к горлу подступила тошнота. В ушах его звенело, дышать становилось все тяжелее — при каждом вдохе в его груди словно пересыпалось битое стекло. Ортега до крови закусил губу и усилием воли заставил себя двигаться вперед.

Его люди тем временем достигли ворот, за которыми скрылись убийцы, и Колликс профессионально руководил их взломом. Двое арбитров отстрелили петли, а третий засадил подкованным ботинком в замок, с грохотом выбив ворота из рамы.

Тут же из глубины дома раздался залп из наступательного оружия, сбив с ног первого арбитра. Кол-лике и остальные подались назад, но огонь по ним из-за стены дома не прекращался.

Пошатываясь, словно пьяный, Ортега подошел к своим людям, с огромным трудом вдохнул в себя воздух и оперся спиной о стену. Колликс вслепую пальнул из дробовика за стену и получил в ответ залп из автоматического оружия.

Рискнув бросить взгляд за угол, Ортега увидел по меньшей мере четверых или пятерых мужчин с тяжелыми пулеметами, автоматическими винтовками и огнеметом, укрывшихся за мешками с песком. Ортега грязно выругался. Ситуация была патовой: любой, кто осмелится появиться там хоть на секунду, — покойник. Раздавшийся из ворот залп послужил этому веским подтверждением. С другой стороны, и у занявших оборону в доме не было возможности высунуть нос наружу.

Колликс и остальные арбитры постреливали из-за угла, но куда им было с простыми дробовиками против серьезного наступательного оружия и тех, кто умел с ним обращаться! Со двора взметнулся столб огня, вспыхнули остатки рамы ворот, и арбитры отпрыгнули назад.

С площади Освобождения на улицу, где арбитры вели осаду здания, медленно ползли ядовитые языки газа, в них зловеще танцевали какие-то тени. Ортеге показалось, что к ним приближаются огромные фигуры сказочных великанов, но глаза его застилал туман, от боли и потери крови в его голове все смешалось, и он уже не понимал, что происходит на самом деле, а что ему только чудится.

Итак, арбитры оказались в тупике. Идти вперед означало погибнуть, но ни Ортега, ни Колликс, ни их люди не могли позволить удрать этим негодьям. Из ворот вновь полыхнуло пламя, осветив на короткое время задымленную улицу.

На Вирджила Ортегу упала тень — за его спиной выросла огромная фигура и встала в проходе во двор здания.

Мешки с песком снесло грохочущим ураганом огня. В ответ с шипением хлынуло пламя, объяв исполина в доспехах мерцающим оранжевым сиянием.

Продолжая непоколебимо стоять в языках огня, словно легендарный бог войны, гигант в блестящих синих доспехах с чудовищной скоростью стрелял из своего огромного болтера. У Ортеги отвисла челюсть, когда он увидел, что исполин не один, а их целых восемь.

Гигант обратил к Вирджилу Ортеге бронированное забрало, и арбитр почувствовал, как съеживается под его взглядом.

— Теперь за дело возьмемся мы, арбитр, — произнес из-под шлема сказочный воин.

Вирджил Ортега кивнул, не в состоянии подобрать нужных слов, и лишь махнул рукой в сторону особняка.

— Чувствуйте себя как дома... — прохрипел он.

Кивнув раненому арбитру, сержант Леаркус ринулся сквозь полыхающий проход во двор, непрерывно стреляя из болтера разрывными снарядами. За ним бежал Клиандер; остальные Ультрамарины рассыпались веером, ведя огонь с бедра. Непосредственная угроза была устранена, людей, укрывавшихся за мешками с песком, разнесли в клочья разрывными снарядами, но из верхних окон здания Ультрамаринов продолжали поливать огнем из наступательного оружия.

Леаркус понял, что это автоматические винтовки и они не могут причинить серьезного вреда его священным силовым доспехам. На груди сержанта еще мерцало пламя — там, где скопился

прометий. Почувствовав, как срикошетила пуля от его наплечника, он выстрелил в ответ и услышал донесшийся из-за стены здания громкий вопль.

Перескочив через залитые кровью остатки огневой позиции злоумышленников, он обрушился всей тяжестью своего закованного в броню тела на дверь дома. Тяжелая дверь разлетелась в щепки, и Космические Десантники оказались внутри здания. Леаркус понимал, что следует поспешить, поскольку его генетически усиленный слух уже уловил характерный звук двигателей приближающихся орнитоптеров, а это могло означать только одно: враги попытаются скрыться.

Увидев, как в нескольких сантиметрах от его ног взметнулись фонтанчики пыли и осколки терракотовых плиток, Леаркус откатился в сторону. Избежав пулеметной очереди, он снова вскочил на ноги и одним метким выстрелом разнес в ошметки человека в судейской форме, стоявшего на широкой лестнице, и махнул рукой, призывая своих людей войти в дом.

— Предатели будут отсиживаться на крыше, пока их не заберут орнитоптеры. Они не должны ускользнуть. Ни один! — приказал Леаркус.

Ультрамарины, кивнув, последовали за своим сержантом, который понесся вверх, перепрыгивая через пять ступенек.

Леаркус ворвался в длинную комнату, заставленную мебелью в белых чехлах. Другая, более узкая лестница вела наверх, к прямоугольнику солнечного света. Время было дорого — звук приближающегося орнитоптера звучал все громче.

Лишь только Леаркус появился в дверном проеме комнаты, из-за зачехленного стола вынырнул человек, но выстрелить он не успел — Клиандер разнес ему голову разрывным болтом. Не прошло и двух секунд, как Леаркус взлетел по лестнице и очутился на плоской крыше здания.

Амел Ведден смотрел, как прямо на него движутся две черные точки, постепенно обретая очертания, и вот уже он мог хорошо разглядеть, что это орнитоптеры. Бросив угрюмый взгляд на семерых оставшихся с ним людей, Ведден мрачно подумал, что сейчас хватило бы и одного. Но, потеряв на этом пустяковом задании такую кучу народу, он не мог заставить себя жалеть о них. Не таким он, Амел Ведден, был человеком, чтобы испытывать чувство жалости. Зато какая операция!

Но кто мог ожидать, что в дело встрянут эти чертовы Космические Десантники?

Эх, знать бы все заранее, тогда можно было, мотивируя непредвиденными осложнениями, потребовать больше денег. Ну да что теперь рассуждать. Ведден все еще держал в руках потерявшую сознание девушку, и предвкушение грядущего наслаждения вернуло ему хорошее настроение. О, с каким упоением он будет мучить и медленно убивать ее, лишь только они окажутся в безопасности!..

Услышав донесшиеся снизу пулеметные очереди, Ведден бросил взгляд на выход на крышу. Неужели эти проклятые орнитоптеры не могут поторопиться? Опасность слишком близка.

Жужжа, прилетели, смахивающие на насекомых, аппараты с широкими кабинами, под которыми, словно пчелиные жала, торчали орудия. Эти орудия, управляемые движениями головы пилота, то грозно поднимались вверх, то опускались, пока орнитоптеры облетали осажденное здание.

Почему они не садятся?

Ведден повернулся, услышав грохот бронированных башмаков, и вытащил пистолет, прижав его к виску девушки.

Пятеро Космических Десантников стояли, направив свои неправдоподобно огромные болтеры на него и его людей. Солдаты Веддена нацелили на Десантников свои дробовики, но никто не решался первым открыть огонь.

Казалось, сам воздух планеты Павонис застыл перед лицом разворачивающейся драмы. Даже звуки кружащих орнитоптеров и завывания толпы, раздирающей город на части, казались странно приглушенными. Глядя на этих могучих воинов, Ведден почувствовал, что во рту у него пересохло, и руки безжалостного убийцы задрожали.

Это же всего-навсего Космические Десантники, какого дьявола он чуть не наделал в штаны? Амел Ведден покопался в себе в поисках неиспользованного резерва отваги и облизал губы.

Ведден так и не получил возможности выяснить, есть ли у него мужество противостоять Космическому Десантнику, поскольку именно в этот миг орнитоптеры открыли огонь.

Крупнокалиберные пулеметы поливали огнем крышу здания, вспучивая ее покрытую галькой поверхность и кромсая человеческую плоть. Люди, ожидавшие эвакуации на орнитоптерах, погибли первыми, в считанные секунды разорванные на части снарядами крупного калибра, легко пробившими их доспехи. Ведден дико заорал, когда очередь прошла его ногу, оторвав ее от тела в середине бедра, и рухнул на землю вместе с девушкой.

Ультрамарины рассыпались по периметру крыши, стреляя по орнитоптерам, но заряды болтеров не могли пробить тяжелую броню их корпусов.

Леаркус, рванувшись вперед, прыгнул и подхватил на руки девушку, прикрыв ее своим телом от приближающейся пулеметной очереди. Удерживаясь на локтях, чтобы не раздавить ее, и ощущая тяжелые удары в броню на спине, он произнес короткую молитву благодарности своим доспехам, которые в очередной раз выдержали огонь предателей.

Но вот стрельба внезапно прекратилась и орнитоптеры набрали высоту, завершив свою

кроваую миссию. Их преследовал огонь из болтеров, но вскоре летательные машины оказались вне пределов досягаемости Ультрамаринов и исчезли в дымке смога, повисшего над городом.

Леаркус поднялся на колени и бросил взгляд на девушку. Она была в крови, но, очевидно, не вся эта кровь была ее. Сержант полагал, что она будет жить.

Леаркус встал и поднял девушку на руки. Человек, похитивший ее, был все еще жив. Он, ухватившись за обрубок своей ноги и учащенно дыша, смотрел остекленевшим взглядом в небо. Пальцами другой руки он в бессильной ярости скреб по выжженной крыше и умолял о помощи. Первую помощь ему оказал Клиандер: он наложил жгут на ногу убийцы, надеясь, что этот человек, если все-таки выживет, окажется ценным источником информации.

...С площади Освобождения все еще доносились звуки сражения, и Леаркус видел оранжевые всполохи пламени и облака дыма по всему городу — народ Павониса отзывался на события дня единственным доступным ему способом.

Весь день в мраморном городе неистовствовала толпа, охваченная единым стремлением к убийству и разрушению. Скульптуры на главных улицах были опрокинуты, великолепные сады и парки преданы огню, а дома разграблены, поскольку часть населения, не обременённая высокими моральными принципами, не преминула воспользоваться сложившейся ситуацией и под шумок обделывала свои грязные делишки.

Огонь бушевал неудержимо, и целые районы сровнялись с землей, так как даже пожарные не хотели рисковать жизнью на улицах города. Перепуганные горожане прятались по углам своих домов, когда обезумевшие рабочие сносили двери с петель, а мародеры грабили незащищенных жителей. Кое-кто, правда, пытался оказать сопротивление, стреляя в тех, кто врвался в их дома, но выстоять против толпы у этих одиночек не было ни малейшего шанса. Их просто разрывали на части и затапывали.

Те немногие, кто сохранял благоразумие и остатки самообладания, пытались призвать толпу к спокойствию, они ходили по улицам с поднятыми руками, но в безумии мятежа их голоса оставались неслышанными.

Понимая, что их выход в город повлечет за собой лишь новые бесполезные смерти, арбитры отступили на территорию дворца, под защиту его стен и оборонительных башен. Отдельные мятежники пытались штурмовать ворота, но ураганный огонь бастионов безжалостно расправился с ними.

Отделения Адептус Арбитрес, размещенные на улицах, ведущих к площади, быстро поняли, что они отрезаны от своей базы, и принялись искать убежища поблизости. Им пришлось выдержать многочасовые уличные бои, пока из дворца не были высланы флайеры, чтобы доставить их и владельцев разграбляемых домов в безопасное место.

Защищаемое Ультрамаринами спецотделение Вирджила Ортеги дожидалось орнитоптера из дворца. Сам Ортега то лишался чувств, то вновь приходил в сознание. Услышав над головой

знакомый рокот турбовентиляторного двигателя, он вдруг испытал приступ паники, подумав, что пулеметы орнитоптера вот-вот откроют огонь.

Наконец и Ортегу, и раненого пленника, и остальных арбитров увезли. Орнитоптер был не в состоянии вынести вес восьми Космических Десантников в полном боевом облачении, но пилот обещал Леаркусу, что он тут же вернется за ними.

Сержант же заверил пилота, что для него и его людей не составит труда самостоятельно вернуться во дворец, и приказал ему заняться подбором оставшихся в городе арбитров.

На город опустилась тьма, но мятежники все еще были полны сил. Небо лизали красные языки пламени, отовсюду валил дым. Целые районы были погружены во мрак, их обитатели не желали оповещать мародеров и убийц о своем присутствии, зажигая свет.

Позже было выяснено, что в этот день в городе в общей сложности погибло более четырех тысяч человек. Часть из них была убита в уличных драках, часть — в своих собственных домах, кто-то погиб в огне пожаров. Этот день стал днем скорби для Павониса.

Сначала постепенно, затем, по мере того как с приходом ночи воздух становился все холоднее, бунтовщики стали все быстрее покидать город. Но очень многие оставались, чтобы сорвать свое раздражение и злость на тех, кто, как они считали, заслуживает этого. Некоторым людям было мучительно стыдно за происходящее, другие же, наоборот, радовались триумфу своей мести.

Арио Барзано с непроницаемым лицом наблюдал за тем, как дворцовый аптекарий трудился над раненым, удаляя окровавленные тампоны и зажимы с неровного обрубка, который некогда был его ногой. Барзано видел достаточно боевых ран, чтобы понимать, что этот человек будет жить.

Если ему и суждено умереть, то не от этой раны.

Сейчас он был без сознания — его под завязку накачали успокоительными и болеутоляющими. Конечности раненого были намертво прикреплены специальными ремнями к койке, и врач перекрывал порванную артерию. То, что брат Клиандер оказал пленнику помощь прямо на поле боя, спасло ему жизнь. Хотя впоследствии пленник об этом еще пожалеет, подумал Барзано.

Арбитр Ортега лежал на соседней переносной койке, его широкая грудь была полностью забинтована. У него пострадали два ребра, обломок одного, из них проткнул ему левое легкое. Ортеге, можно сказать, сказочно повезло, и, слыша крики и ругань, которые он теперь обрушивал на аптекария, обрабатывавшего его раны, Барзано подумал: а не из чистого ли упрямства выжил этот человек?

Перед Ортегой на корточках сидела Дженна Шар-бен и тихо рассказывала своему начальнику

о том, что произошло, пока тот находился без сознания. Она перечислила имена погибших арбитров, и, хотя лицо ее оставалось совершенно непроницаемым, Барзано чувствовал, что девушка глубоко страдает.

Третим пациентом была заложница, которую мерзавец похитил у статуи Императора. Несмотря на то что вся ее одежда была перемазана кровью, ей удалось выйти из всех этих испытаний относительно невредимой. Врач извлек из ее тела некоторое количество мелкой дробы и констатировал симптомы контузии, но в остальном она была невредима. Сейчас девушка спала под воздействием большой дозы успокоительного.

Чуть поодаль Барзано, в напряженной тишине сержант Леаркус, губернатор Шонаи и Алмерз Чанда дожидались завершения работы врача. Резко развернувшись на каблуках, Барзано направился к ним.

Первым делом эксперт поблагодарил Леаркуса за его решительные действия. Доспехи Космического Десантника покрылись вмятинами и местами почернели, но сам Ультрамарин остался невредимым. Затем Барзано поднял свой взгляд на губернатора.

Она сильно постарела с тех пор, как он видел ее в последний раз. Ее седые волосы падали на лицо, на котором, казалось, прибавилось морщин.

— Кровавый день, — произнес Барзано, положив руку на плечо Микола Шонаи.

Она молча кивнула, не в силах выразить словами обуревавшие ее чувства. Чанда только что передал ей сведения о предварительной оценке числа погибших, и масштабы бедствия поразили ее до глубины души.

Барзано раскрыл ей свои объятия, и она упала ему на грудь. Обхватив ее сотрясающееся от рыданий тело, Барзано строго взглянул Чанде в глаза.

— Уйди, — сказал он просто.

Советник, казалось, собирался запротестовать, но, увидев во взгляде Арио Барзано железную решимость, коротко поклонился и вышел из лазарета.

Арио Барзано и Микола Шонаи стояли, обнявшись, несколько минут. Барзано терпеливо ждал, пока губернатор Павониса выплачется. Годы неудач, крушение чаяний и надежд Шонаи — все это теперь вылилось в поток простых женских слез. Барзано обнимал женщину, помогая облегчить бремя, угнетавшее ее слишком долго.

Когда и Шонаи вновь взяла себя в руки, Барзано посмотрел в лицо этой мужественной женщины. Глаза ее опухли и покраснели, но огонь, который почти погас, разгорелся с новой силой. Вытерев лицо платком, учтиво предложенным ей Барзано, Шонаи сделала глубокий

вздых. Слабо улыбнувшись эксперту, она распрямила плечи и собрала волосы в тугий хвост.

Губернатор бросила взгляд на койку, на которой недвижно лежал человек с культей на месте правой ноги. До сих пор враги были безлики, и это не давало ей возможности нанести ответный удар, но теперь перед ней находился один из них, и Микола Шонаи улынулась с мрачным удовлетворением. Этот человек был без сознания и, как сказал врач, вероятно, останется в таком состоянии несколько дней.

Но рано или поздно он очнется, и тогда губернатор Павониса не проявит к нему ни капли милосердия.

Часом позже Арио Барзано, Дженна Шарбен, Микола Шонаи, сержант Леаркус, Алмерз Чанда и Ли-ланд Кортео собрались в кабинете губернатора. На столе дымился большой кофейник. Барзано налил по кружке всем, кроме Леаркуса, который от кофе вежливо отказался. Все выглядели изнуренными и усталыми, за исключением Миколы Шонаи, которая носилась по комнате и чуть ли не плевалась кипятком. Остановившись у бюста старого Форлануса, она похлопала его по плечу.

Кортео вдруг подумал, что ее улыбка — улыбка охотника.

Вернувшись за стол, Шонаи отхлебнула из кружки и наклонилась вперед, сплетя пальцы перед собой:

— Итак, к делу, господа. Один из наших врагов находится у нас в руках. Что мы о нем знаем?

Поставив на стол губернатора брезентовую сумку, Дженна Шарбен вывалила ее содержимое: грудку серебряных солдатских жетонов, зажигалку, маленький складной нож и прочую мелочовку.

— При одном из трупов — судя по всему, радиста — было это. Мы думаем, этот человек дежурил в доме, когда остальные выполняли задание, и именно он вызвал орнитоптеры. Однако хозяева и не собирались забирать их и открыли по ним огонь.

— Известно ли нам, чьи это были орнитоптеры или хотя бы куда они улетели? — спросила Шонаи.

— Боюсь, что нет, — ответил Алмерз Чанда. — В это время наши системы воздушного наблюдения были отключены на плановое обслуживание.

— Итак, мы не знаем, куда убрались орнитоптеры, но полагаю, что эти жетоны скажут нам, кем были люди, затеявшие всю эту бойню?

На вопрос губернатора ответила Дженна Шарбен:

— Похоже, все они были кадровыми офицерами планетарных сил самообороны. Самый высокий чин — капитан, и я уверена, что этот капитан — тот самый пленник, что у нас внизу.

— У него есть имя? — спросил Барзано. Шарбен кивнула эксперту:

— Если он и есть капитан, то его зовут Амел Вед-ден, офицер из Казарм Харона.

— Это один из полков, которые спонсирует Та-лун, — уточнил Чанда.

— На него есть досье или хоть какая-нибудь информация? — спросил Барзано.

— Нет, она была удалена. Недавно.

Эксперт с удивлением повернулся к губернатору:

— Кто мог удалить регистрационные записи военного так вот запросто? Только командир полка обладает этим правом.

Шонаи сразу поняла, к чему клонит Барзано:

— Итак, получается, что теперь под вопросом лояльность целого полка ПСС? — Микола Шонаи округлила глаза. — Это ж почти пять тысяч чело-иск! — Несколько минут молча поразмыслив над этой ситуацией, губернатор пришла к решению: — Прекрасно, я санкционирую мобилизацию других полков, чтобы удерживать их базу, пока мы не будем уверены в их преданности.

— Сколько времени на это потребуется? — спросил Барзано, глядя немигающим взглядом в глаза Лиланда Кортео.

Глубоко вздохнув, старик хорошенько затянулся из трубки.

— Трудно сказать, мы уже долгие десятилетия не испытывали потребности в мобилизации ПСС. В последний раз это было при отце нынешнего губернатора.

— Да, но тем не менее сколько времени это займет? — настаивал Барзано.

— Возможно, два или три дня. Но это только в том случае, если хотя бы половина резервистов откликнется на вызов. Немало шансов за то, что многие из них были сегодня на площади Освобождения.

— Крейсер «Горе побежденному» и капитан Вентрис вернутся менее чем через три дня, —

добавил сержант Леаркус. — Тогда в вашем распоряжении будет Рота Ультрамаринов, губернатор Шоная.

— Благодарю вас, сержант. Я исключительно признательна за помощь, оказанную Ультрамарина-ми. Вы делаете честь вашему Ордену.

Леаркус, склонив голову, скромно ответил:

— Мы служим Императору.

Отхлебнув из кружки горячий кофе, Шоная продолжила:

— Итак, что же мы еще можем предпринять? Мы уже выяснили, кому принадлежит этот особняк?

— Конечно, — с видимым облегчением вступил в разговор Алмерз Чанда. Он извлек из объемного портфеля пачку документов. — Этот летний дом принадлежит Тарину Хонану.

— Хонану? — воскликнул Кортео, чуть не поперхнувшись дымом своей трубки. — Я не верю этому. Этот толстый дурак? Конечно нет!

— Здесь написано черным по белому, — невозмутимо ответил Чанда, указывая рукой на документы.

— Это к делу не относится, — пресек начавшийся было спор Барзано. — Кто бы ни стоял за этим, операция была спланирована более чем тщательно. Даже намерения забирать исполнителей после завершения миссии у них не было. Я не думаю, что, если бы за этим стоял Хонан, он оказался бы настолько глуп, чтобы осуществлять нападение из собственной дома. Хотя будет не вредно привести его сюда, чтобы ответил нам на несколько вопросов.

— Итак, на чем мы все-таки остановимся? — спросила Дженна Шарбен.

— А остановимся мы на том, что нам предстоит очень и очень многое сделать, — подвел итог Барзано.

Казимир де Валтос воткнул вилку в сочную отбивную и заставил себя ее проглотить, несмотря на кислотный привкус желчи, который вот уже несколько лет стоял у него во рту.

Мясо имело привкус гнили, и де Валтос с трудом подавил позыв рвоты, смыв этот тошнотворный вкус глотком вина из хрустального кубка. Информация из надежного источника говорила о том, что это марочное вино — из числа наиболее ценимых в галактике, но для Казимира де Валтоса оно было таким же пресным, как и все остальные напитки мира.

Еще одно последствие знакомства с эльдаром. Но вскоре это останется в прошлом. Ласко сообщил, что его люди вот-вот пробьются в последнюю комнату. От де Валтоса потребовалась вся его могучая сила воли, чтобы невозмутимо оставаться на месте, а не броситься туда сломя голову — увидеть все собственными глазами. Он почувствовал, как его рука судорожно сжала вилку, и, чтобы скрыть нарастающее возбуждение, убрал руку под стол.

Гость Казимира де Валтоса в очередной раз изрек какую-то тривиальную чепуху. Вежливо улыбнувшись, Казимир произнес в ответ нечто столь же бессмысленное и ни к чему не обязывающее. Внешне де Валтос выглядел спокойным, но внутри у него все кипело: в ушах его стоял адский рев, а во рту от возбуждения пересохло. Он отхлебнул еще вина.

Под столом его рука отбивала по бедру ритмичную дробь, и вилка судорожно вонзалась в бедро — достаточно глубоко, чтобы пошла кровь. Он ничего не чувствовал и, лишь положив вилку на тарелку, заметил на ней алые капельки крови.

При виде этих липких красных капель у Казимира перехватило дыхание и язык непроизвольно потянулся за падающими с зубцов темно-рубиновыми каплями. Его гость сказал что-то еще, но эти слова пролетели, не коснувшись его ушей, — Казимир де Валтос с упоением истинного вампира вкушал собственную кровь.

Он не чувствовал боли в ноге. Он вообще не мог чувствовать боли.

Де Валтос вдруг поймал себя на том, что его взгляд устремляется на потолок столовой, и сквозь этот потолок он видит черный кожаный чемоданчик, стоящий у него под кроватью... Усилием воли де Валтос заставил себя опустить глаза. Всему свое время.

Еще слишком рано.

Наслаждение всегда оказывается гораздо слаще, если посмаковать предчувствие. Он заставил себя выкинуть из головы мысли о клинках, пилах, клещах и крюках, пытаясь сосредоточить внимание на своем госте. Но сконцентрировать внимание на бессмысленном лепете, который слетал с напыленных губ человека, сидящего напротив, было просто невозможно. Пот градом покатился по лицу Казимира, когда он с усилием протолкнул в горло очередной кусок мяса.

Ему казалось, что в нем не осталось больше ни капли силы, что он физически не сможет дожидаться момента, когда наконец начнет убивать его.

Внезапно он осознал, что больше не думает о своем госте как о человеке, и это было дурным знаком. В де Валтосе нарастало чувство голода, и он мысленно представлял собеседника обнаженным. Его гость был просто мясом, плотью, которую следовало разделить; средством от боли, которую он больше не мог чувствовать. От или для боли?

Он причинит страдание, чтобы ощутить, как собственная боль отражается в его криках.

Кровь заструилась по подбородку Казимира, и он понял, что прокусил себе губу. Де Валтос вытер подбородок, а его гость, отодвинув кресло, прошел вдоль длинного стола к нему с выражением притворного беспокойства на глупом, коровьем лице.

Человек положил руку на плечо де Валтосу, и тот содрогнулся от этого прикосновения.

— Вы хорошо чувствуете себя, Казимир? Вы ужасно бледны, — с тревогой в голосе произнесла Солана Верген.

Казимир де Валтос сглотнул ком в горле, подавляя раздражение и ярость.

— Да, — кое-как выдавил он, не переставая думать о черном чемоданчике. — Все будет нормально.

12

Это невероятно, — думал начальник шахты Джекоб Ласко. — Сколько бы энергии ни пропускали через этот проклятый резак, он не работает больше, чем вполсилы!»

У них перегорало по пять-шесть генераторов в день, и, хотя растущие издержки по-прежнему раздражали его, он понимал, что у него нет выбора: приходится заменять каждый, как только тот выходит из строя. Но конец уже близок — вскоре они должны пробить эту последнюю преграду.

Помещение сотрясало от завывания резака, и Джекоб был благодарен берушам, с которыми не расставался. Они не только делали визг машины переносимым, но и перекрывали странный шум, который он стал слышать лишь недавно. Иногда этот шум можно было списать на разыгравшееся воображение (что правда, то правда: отсутствием воображения начальник шахты не страдал). Но такие дни были редкостью, в большинстве же случаев Ласко готов был поклясться, что различает бормочущие голоса, едва различимые и накладывающиеся один на другой.

Проклятие, он слишком долго торчит в этом странном месте!

Начальник шахты окинул помещение профессиональным взглядом. Оно было абсолютно квадратным, его размеры совершенны до последнего микрона, так ему доложили картографы. Стены комнаты от пола до самого потолка покрывали надписи, выполненные плотным угловатым шрифтом, умело выгравированным на гладкой поверхности стен несколькими столбцами. О чем там говорилось, что это означало — оставалось для него тайной.

Надписей были лишены только четыре ниши: две — в восточной стене, две — в западной. В каждой из них стояло по огромной гипсовой фигуре, сжимающей странные медные жезлы, покрытые зеленой патиной. Кого они изображают — пусть над этой тайной поразмышляет кто-

нибудь другой.

Джекоба Ласко касалось лишь одно: пробить дверь в дальнем конце комнаты.

До сих пор гладкая черная плита не поддавалась ни сверлам с алмазными наконечниками, ни направленным взрывам. Только лазерный резак приносил хоть какую-то пользу, но продвижение все равно было медленным и мучительным.

Двое техножрецов молились и размахивали кадилами с ладаном над резаком неподалеку от шестерки горняков с кирками и лопатами. У этих работяг был такой вид, словно они предпочли бы оказаться где угодно и с кем угодно, только не здесь и не в обществе этих четырех гипсовых статуй. Дела в последнее время шли из рук вон плохо, никто из людей не хотел никуда ходить поодиночке. Все валилось из рук, и многие уже начали сомневаться в том, что поступили правильно, согласившись на эту работу. И хотя здесь платили на порядок больше, чем на большинстве предприятий, начальник шахты устал бороться с текучкой.

Конечно, местечко не из приятных — за те годы, что он работает на шахте, здесь бесследно исчезли несколько человек. Последним пропал тот проклятый дурень Дал Колурст. Этот недоумок, наверное, просто свалился в темноте в шахту. Они, конечно, могут понимать в машинах, эти техножрецы, но что такое настоящая работа, они не знают. До сих пор тело Колурста не было обнаружено, но рано или поздно кто-нибудь споткнется о его труп с переломанной шеей.

Подняв глаза на вновь замигавшие огни, начальник шахты бросил злой взгляд на читающих молитвы жрецов. Здесь и так плохой свет, не хватало еще погрузиться в полный мрак.

Отшлифованные, как драгоценные камни, глаза статуй в нишах зловеще сверкали в неровном свете, и Ласко невольно вздрогнул. Да, решил он, здесь платят хорошие деньги, но он соврал бы сам себе, если бы стал уверять, что не будет чертовски рад, когда эта работа наконец кончится и он вернется в нормальную шахту к настоящему горному делу.

Эта археология, черт ее дери, может, и приносит его хозяину большие деньги, но ему, работяге, не по душе вкладывать столько сил, труда и не видеть осязаемых результатов. Что им удалось извлечь отсюда за все это время? Ничего, кроме нескольких скелетообразных фигур из какого-то таинственного, зеленоватого металла. Техножрецов эти находки привели в неописуемый восторг, но ни один из них не смог сказать Ласко ни что это за фигуры, ни из какого они металла. Ну и эксперты!

Что ж, поглядев, как продвинулось дело с дверью, Ласко увидел, что резак проник в нее уже, возможно, на метр. Послушать техножрецов, так большая часть работы уже была позади, оставалось пройти совсем немного, так что он, Джекоб Ласко, дождется, пока они не пробьются окончательно, прежде чем откупорить бутылочку ускавара пятилетней выдержки.

Тем не менее, как бы ни был богат босс, Ласко не думал, что ему захочется раскошелиться еще на десяток генераторов и резаков. Эта операция и так уже обошлась его хозяину в целое

состояние.

Светильники погасли, погрузив людей в крошечную темноту на бесконечно долгие секунды. Затем вновь глухо зажужжали и брызнули на стены и пол лучами грязно-желтого света.

Вновь увидев этот хоть и тусклый, но свет, Ласко испытал огромное облегчение. Немного успокоившись, он облизал пересохшие губы.

Что же такое дьявольски ценное спрятано за этой дверью?

Начальнику шахты оставалось лишь надеяться, что вскоре это выяснится.

Так же взято из wh.reactor

<http://tl.rulate.ru/book/30591/671988>